
© Д.А. НИКОЛАЕВА
darimn@rambler.ru

УДК 39+2

**ЖЕНСКОЕ ШАМАНСТВО В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ
БУРЯТ ПРЕДБАЙКАЛЬЯ конца XIX-начала XX веков**

АННОТАЦИЯ. Автор полагает, что в бурятской традиционной культуре конца XIX—начала XX вв., несмотря на патриархальные взгляды на женщин, в том числе на шаманок, сохранились архаические следы женского культа, связанные с образом хранительницы огня. Это отражено как в элементах одежды, так и в религиозно-мифологических воззрениях.

SUMMARY. The author supposes that the Buryat traditional culture at the end of the XIX – the beginning of the XX century, despite the patriarchal attitude to women, including the shaman women, preserved the archaic female cult traces connected with the fire keeper's image. It is reflected in the clothes items, as well as in the religion mythology views.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Шаманка, женский культ, хранительница огня.
KEY WORDS. Shaman women, female cult, fire keeper.

В комплексе религиозно-мифологических представлений о бурятском шаманстве наиболее архаичным является женское шаманство. Между тем до настоящего времени эта тема не была предметом специального исследования, и как следствие — существует немало проблемных вопросов, касающихся различных аспектов, в отношении роли женщины в религиозной традиции бурят-шаманистов Предбайкалья, менее подвергшихся влиянию буддизма. Соответственно, целью данной статьи является исследование положения бурятских шаманок в прошлом и установление их генетической связи с женским культом хранительницы огня.

Рассматривая женское шаманство в традиционной культуре бурят конца XIX—начала XX в., следует отметить, что роль и место женщины-шаманки на данный период практически ничем не отличаются от мужчин-шаманов. Их статус, как и влияние в обществе, нисколько не уступали мужчинам (шаманам, кузнецам). Шаманки наравне с шаманами имели все культовые атрибуты, соответствующие этому рангу (шаманскую плеть, меч, конные трости, бубен, шаманскую корону, плащ), и так же, как и шаманы, делились на «белых» (*саган бо* или *сагани одегон*) и «черных» (*харайн бо* или *харан одегон*). Тем не менее, в рассматриваемое нами время шаманок, достигших высших ступеней шаманского посвящения, было немного. Преобладали в основном непосвященные или прошедшие лишь начальные ступени посвящения. Причины такого положения заключались в том, что обряд шаманского посвящения являлся дорогостоящим мероприятием, сравнимым по своим масштабам со свадебным торжеством. Хотя посвящение в шаманский сан в прошлом было делом всего родственного коллектива, к которому относилась посвящаемая, тем не менее, не всегда находилась возможность для женщины осуществить

данное мероприятие, в связи с чем большинство шаманок обычно ограничивались одним или двумя посвящениями.

Однако главной причиной незначительного количества шаманок, достигших высших шаманских ступеней, было то, что в бурятском обществе при рассмотрении вопроса выбора того или иного кандидата на шаманское посвящение в большинстве случаев предпочтение, в силу сложившихся патриархальных воззрений на женщину, обычно отдавали мужчинам. Это объяснялось тем, что шаманская «карьер» для женщины, обладавшей шаманскими способностями, считалась делом необязательным, ибо ее главное предназначение заключалось в выполнении своих основных социальных ролей (матери, жены, хозяйки дома) [1; 6-7]. Следовательно, она, как будущая мать, должна выйти замуж и дать потомство. В конце XIX в. в бурятском обществе среди служителей шаманского культа преобладание мужчин было значительным. Лишь в редких случаях, видя особо выраженные способности, сородичи выдвигали женщину на то или иное посвящение. Практическая деятельность бурятских шаманок заключалась обычно в лечении больных, в совершении обрядов, связанных с деторождением, а также обрядов, призванных обеспечить благополучие заказчику. Шаманки, наделенные даром ясновидения, помимо этого, исполняли функции предсказательниц.

Количество посвящений у разных родов бурят варьируется. Определенного возраста для первого и последующих посвящений для женщины не существует. Сценарий исполнения обряда посвящения шаманок у разных родов бурят отличим друг от друга. С каждой ступенью посвящения для шаманки увеличивался диапазон ее общения с духами, расширялись ее права, в связи с чем каждый раз, соответственно, повышался ее статус и авторитет. С каждой ступенью посвящения шаманка получала определенное название. Высшим считался титул *Зарин бо*. Шаманки, прошедшие ту или иную ступень посвящения, не должны были выходить за рамки своих прав и функций, ибо в противном случае, согласно шаманским представлениям, они могли быть наказаны духами. Непосвященные шаманки, в зависимости от своего шаманского *удха* (букв.: корень, наследственность) и исполняемых функций (знахарок, гадалок, ясновидящих и т.д.), тоже имели разные названия. Эти названия официально не присуждались, а возникали как бы сами собой, как результат общественного признания. Они становились частью имени человека в качестве определения [2; 100].

Тем не менее, у женщин-шаманок существовал ряд принципиальных отличий от мужчин-шаманов. Первое заключалось в украшениях. Шаманки увешивали свою одежду многочисленными медными пластинками и не надевали рогов. Как видим, в костюмном комплексе существовали указания на гендерные отличия: медные пластины подтверждали вагинальное, а рога — фаллическое. Кроме того, особенным отличием костюма шаманки от костюма шамана являлось наличие нашитых на шапку или одежду раковин каури, которые еще в глубокой древности пришивали к женскому костюму как символ того, что при камлании в шаманке воплощалось могущество *Этуген* — высшего женского божества, связанного с культом плодородия.

Второе отличие заключалось в похоронной обрядности шаманов и шаманок. После похорон шамана через три дня мужчины селения приезжали делать обряд *эрвээ*, который заключался в том, что на месте кремации шамана совершали кропление водкой и повторно сжигали остатки от первой кремации. При этом мужчины вставали вокруг кострища и, положив правую руку на правое плечо впереди стоящего, молча двигались против солнца. Считалось грехом, если оставались какие-либо части тела шамана; если сжигали шаманку, этот обряд не проводился*. Таким образом, похороны мужчины-шамана выстраиваются в семантический ряд — костер/круговое движение/гора, символизирующий поднятие умершего *наверх*, тогда как шаманка оставалась «на земле» — *внизу*.

Места, где находились погребения шаманов и шаманок, считались священными, людям не разрешалось их посещать, вырубать вблизи них лес. На шаманское погребение дозволено было приезжать для проведения определенных обрядов только родственникам или потомкам умерших шаманов (шаманок). «Его (шамана) похоронили (то есть сожгли) по обряду на горе Мухур-Булаг, которая находится во втором Бабаевском роде. На этой горе его потомки приносят ему жертвоприношения» [3; 122]. Некоторые наиболее сильные шаманы и шаманки после своей смерти становились предметом почитания вследствие того, что они, по мнению бурят-шаманистов, исполняли роль покровителей или покровительниц своих родственников и в целом своего рода от всевозможных злых духов; либо, напротив, умерших шаманов почитали вследствие их вредоносных действий (насылания на людей болезней и страданий, причем тех, от которых они сами страдали при жизни). Став объектами поклонения, некоторые бурятские шаманки упоминались в священных призываниях и заклинаниях из поколения в поколение. Это способствовало тому, что имена знаменитых бурятских шаманок известны и поныне их далеким родовым потомкам [4; 124].

Третье отличие заключается в том, что на шаманок репродуктивного возраста, так же как и на простых женщин, распространяется представление об их ритуальной «нечистоте» в так называемые «женские дни». В связи с этим им запрещалось совершать обряды за три дня до наступления менструаций, непосредственно в дни регул и три дня после, в большие сроки беременности и значительный период после родов (в течение всего периода вскармливания грудью ребенка). Кроме того, им запрещалось исполнять обряды, посвященные мужским божествам огня, земного пространства и кузнечного ремесла. Независимо от возраста, все бурятские шаманки должны были соблюдать запрет — входить в кузницу, притрагиваться к вещам кузнеца, совершать похоронные обряды для своего сородича. В последнем случае запрет снимался только по прошествии 49 дней после похорон [4; 117]. Им также запрещалось присутствовать на родовых и общественных жертвоприношениях и молениях.

Четвертое отличие. Согласно мифологическим воззрениям, сила шаманки как женщины изначально отрицательная и вредоносная для мужчин. Косвенным подтверждением данного убеждения служит записанная Легенда о шаманке *Онгэ Тодэ*, в которой повествуется о том, как некий шаман, придя к

* Информатор Болхосоев С.Б., 1976 г.р., с. Олой, Эхирит-Булагатский район Иркутской области.

шаманке, «...при входе в юрту, вокруг которой была обернута тонкая кишка шаманки, сделался нечистым. От этого и упал. *Онгэ Тодэ*, приняв во внимание его молодость, оживила его» [5; 164-165].

Пятое отличие. Именно с шаманками у бурят связывается такое понятие, как отрицательное оборотничество. По сообщению И.А. Манжигеева, шаманки у бурят-шаманистов связывались с оборотнем. Душа такой шаманки-оборотня, согласно поверьям бурят, во время сна принимала образ бесхвостой свиньи (*ороолон гахай*) или комолой коровы (*ороолон унеэн*) и затем нападала на тех людей, которым была предназначена скорая смерть» [5; 65].

Согласно традиционным воззрениям, даже непосвященная шаманка обладает чрезвычайной силой, в отличие от мужчины-шамана, который должен последовательно пройти ряд ступеней-посвящений. Эта сила отражает сохранившиеся представления, во-первых, о первичности в таком явлении, как шаманство. Считается, что именно женщине принадлежит первенство в бурятском шаманском культе. У бурят, согласно преданиям, первой шаманкой была женщина. Она различала и видела злых и добрых духов. Первичность божеств женского шаманства отражена в бурятской мифологии. По материалам М.Н. Хангалова, первым бурятским шаманом был орел, который передал свой дар женщине-тунгуске, которая родила от него мальчика, ставшего впоследствии большим бурятским шаманом [6; 112-113]. В памятниках устного народного творчества бурят первоначальными служителями шаманского культа выступают шаманки *Айсыхан* и *Хусыйхан*, которые, согласно широко распространенным мифам, чудесным образом родили или нашли предков бурят *Булагата* и *Эхирита*. Кроме них, в устной бурятской литературе также существует немало интересных женских образов, представляющих собой пример нравственной, умственной и физической силы, которые имеют много общего с шаманскими, ибо все они обладают такими сверхъестественными способностями, как ясновидение, умение воскрешать, перевоплощаться в зверей и птиц и т.п.

Во-вторых, ряд ученых (Г.Ц. Цыбиков, Г.Р. Галданова, Т.М. Михайлов и др.) прослеживает преемственность между архаичными жрицами огня (*удаганки*) и шаманками (*одегонки*), в чьи функции входило совершать обряды в честь матери-прародительницы, заниматься большими и т.д. Из шаманских мифов и преданий нам известно, что у многих бурятских родов женские божества выступали покровительницами шаманского посвящения. Так, у унгинских бурят покровительницей шаманского посвящения считалась *Хан-Лухар*, дочь водяного царя *Унан-хата*, а покровительницей белых кузнецов-шаманов — *Эйлик-Мулик*, сестра девяти сыновей небесного кузнеца *Божинтоя*, которая, согласно преданиям, являлась первой представительницей своих братьев по кузнечному ремеслу и была самой важной фигурой. Более того, среди кузнечных *онгонов* (изображений духов-покровителей) самой важной фигурой является ее изображение.

По мнению М.Н. Хангалова, в средневековые шаманы и шаманки в принципе были равны. Но приоритет все же был на стороне мужчин. Он полагает, что шаман руководил облавной охотой (*зэгэтэ-аба*), а нередко и военными операциями, и шаманки в это время также участвовали во всех общественных

охотах, военных походах и получали свою часть приношений наравне с мужчинами-шаманами. Таким образом, в самый ранний период развития шаманизма женщины наравне с мужчинами являлись равноправными служителями шаманского культа [3; 68].

Однако, судя по данным устного народного творчества, женщины могли выступать не только в качестве рядовых членов *зэгэтэ-аба*, но и в качестве умелых руководителей — *галша* (*гал* — огонь). *Галша* в продолжение своей жизни управлял *зэгэтэ-облавщиками* как главный начальник, причем он соединял в себе как светскую, так и военную, и духовную власть. Вначале должность была выборной, а потом стала наследственной. Эта должность должна была принадлежать человеку, несомненно, обладающему не только харизмой, но и определенными полномочиями. Считается, что среди западных духов местности (*хатов*) первыми *галша* и его помощниками были духи-покровители (*заяны*), спустившиеся с неба. Согласно преданиям, это была первая *галша-женщина*, по имени *Бишелэ-Ганзу-бурхан*, ставшая впоследствии во главе Сатинских бурханов [3; 148].

Исследователи полагают, что в начале развития шаманизма функции шаманов и шаманок, в сравнении с функциями *удаганок*, были значительно сложнее и разнообразнее, а их роль в обществе более активной. Они осуществляли множество религиозных и социальных функций в родоплеменных коллективах: посредников между людьми и духами, целителей, психотерапевтов, гадателей и т.д.

Со временем, с изменением общественных отношений, происходит постепенное вытеснение женщин, в том числе и шаманок, на социальную периферию. В ходе развития шаманизма в бурятском обществе появилась потребность в регулировании количественного и качественного состава служителей шаманского культа, в связи с чем стали возникать специальные посвящения в шаманский сан, появилось необходимое требование иметь на то настоящее прбво (*удха*) в юридическом смысле, в порядке наследования по мужской линии. Из-за этого прбва нередко происходили тяжбы и даже открытая борьба, как между отдельными людьми, так и между родами, оспаривавшими друг у друга это право. Поэтому наследственное *удха* оберегалось мужской частью как семьи, так и рода, причем это обосновывалось с точки зрения мифа. Согласно преданиям бурят, девять сыновей небесного кузнеца *Божинтоя* убивают в долине р. Оки свою сестру *Эйлик-Мулик* и зарывают ее в землю головой вниз из опасения, что она, выйдя замуж, перенесет в чужой род их прбво на кузнечное ремесло и шаманство [6; 106]. Подобные случаи происходили не только в легендах и мифах. Существуют сведения об убийствах женщин, обладающих родовым *удха*. Так, М.Н. Хангалов сообщает, что в одном шаманском роду *Бузгат* шесть братьев «...убили свою сестру с целью, чтобы их наследственное прбво (стать шаманом) не могло перейти к другим бурятам, а в другом шаманском роде Додоевской семьи отец и мать зарыли свою дочь живую в землю» [6; 175]. Мужчины оберегали не только *удха* на шаманский дар. По воспоминаниям информатора С.Б. Болхосоева, одна женщина родила мальчика, у которого к восьми годам стал проявляться талант легендарного богатыря *Загаши-бухэ*. Родные братья сестры, заманив его в степь, совершили ритуальное убий-

ство, с тем, чтобы богатырство не ушло на женскую сторону. Эти братья были прокляты и вскоре умерли, не дав своего потомства.

К концу XIX—началу XX вв. представление, что наследственное прбво с выходом замуж дочери будет потеряно навсегда, уже не было столь однозначным. В данный период времени считалось, что «шаманский дар в этом роду мог проявиться в следующем поколении, например, у сына сына (внука), либо через поколение» [7; 116]. Как уже говорилось, в бурятском традиционном обществе было значительное преобладание мужчин среди служителей шаманского культа. Такое положение сложилось также в силу того, что «девочкам в семьях с родовым *удха* разрешалось наследовать прбво на шаманскую деятельность только в случае отсутствия ребенка мужского пола в семье» [7; 116].

Вместе с тем, несмотря на существовавшие ограничения для шаманок, исторические факты свидетельствуют, что некоторые из них все же добивались высокого положения и общественного признания. Так, в памяти бурятского народа сохранилось известное предание о поездке к Петру I в 1702-1703-х гг. делегации одиннадцати *хоринских* родов, главной целью которой была необходимость защитить бурятский народ от притеснений со стороны местной администрации и добиться признания законных прав бурят на свои исконные земли. В состав этой делегации входила знаменитая молодая шаманка *Абжу-удаган* (*Эрэхэн-удаган*), много раз выручавшая бурятских послов в пути, предчувствуя опасность благодаря дару ясновидения. Она поразила русского царя своей красотой, смелостью и умом. Считается, что именно она явилась одной из главных причин удачного результата поездки *хоринских* бурят в Москву.

Признавали силу и авторитет женщин-шаманок не только буряты. Так, в архивных материалах, благодаря одной истории, связанной с вице-губернатором Иркутской губернии Плещеевым в середине XIX в., запечатлелось имя шаманки этого края — *Десук*, к которой обращалась за помощью вся высшая администрация иркутской провинции, включая и управляющего этим краем вице-губернатора. Согласно архивным данным, последний просил ее погадать о его судьбе, боясь ответственности за служебные злоупотребления. О визитах вице-губернатора к шаманке узнал местный архиерей Иннокентий Нерунович, который не замедлил донести на него в Синод, откуда дело пошло в сенат. Возникла, как в таких случаях говорится, «громкая история» [8; 64]. С Иркутском связано еще одно упоминание о судьбе шаманки *Ная*, которую, со слов информатора М.П. Данчиновой (1932-1995, урожд. с. Нукуты, Нукутский район Иркутской области) исследовали местные врачи, с тем, чтобы ее изобличить. Они держали ее в психиатрической больнице, но после ряда странных смертей выпустили, попросив стать покровителем (*заяном*).

Таким образом, религиозные воззрения бурят по отношению к женскому шаманству противоречивы и дуалистичны. С одной стороны, шаманок считали ритуально «нечистыми» и более низшими по сравнению с мужчинами-шаманами, с другой — признавали их силу и авторитет. Такое положение свидетельствует о том, что в патриархальном бурятском обществе присутствуют архаические следы женского культа. Устойчивость этнической культуры, ее жизнеспособность во многом обуславливается тем, насколько развиты структуры, определяющие ее

единство и целостность. Одним из способов, содействующих достижению слитности разнородных сфер, являлся сохранившийся и имплицитно функционирующий культ женского шаманства, изучение которого позволяет реконструировать культурное наследие древних бурят.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петри Б. Э. Степени посвящения монголо-бурятских шаманов. Иркутск : [б. и.], 1926. 16 с.
2. Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1987. 288 с.
3. Хангалов М. Н. Собр. соч.: в 3 т. Улан-Удэ: Респ. тип. 2004. Т. 2. 312 с.
4. Дондокова Л.Ю. Статус женщины в традиционном обществе бурят (вторая половина XIX—начало XX в.). Улан-Удэ : Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2008. 208 с.
5. Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины: опыт атеистической интерпретации. М.: Наука, 1978. 128 с.
6. Хангалов М. Н. Собр. соч.: в 3 т. Улан-Удэ: Респ. тип. 2004. Т. 1. 508 с.
7. Урсынович С. Религии туземных народностей Сибири. М.: Безбожник, 1930. 135 с.
8. Отдел памятников письменности Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН: Общий архивный фонд: Д. 42. Книга о православной миссии на территории Бурятии, Иркутской губернии, Забайкальской области.